

А. В. Курьянович

О КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ ЭПИСТОЛЯРНОГО ДИАЛОГИЗМА (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ В. С. ВЫСОЦКОГО)

Статья посвящена рассмотрению механизмов формирования, анализу существенных характеристик и способов экспликации эпистолярного диалогизма как неотъемлемой составляющей поэтики эпистолярных текстов с учетом комплекса экстралингвистических факторов и специфики реализации коммуникативно-прагматической оси «автор – адресат». Материалом послужили письма В. С. Высоцкого.

Ключевые слова: диалог, диалогичность как текстовая категория, эпистолярный текст, эпистолярный диалогизм, эпистолярные коммуникативные универсалии.

Диалог уходит внутрь,
в каждое слово, делая его двуголосым...
М. М. Бахтин

Наступил такой момент,
когда испытываю я необузданное желание
с тобой поговорить, хотя бы в письме...
Из письма В. Высоцкого к Л. Абрамовой

Понятие диалога относится к числу междисциплинарных, имеющих значительную историю своего изучения в философии (М. М. Бахтин, В. Н. Волюшинов, В. И. Кудашов, Т. П. Лифинцева, Д. А. Ольшанский), психологии (Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, Г. М. Кучинский, А. Н. Соколов), риторике (А. К. Михальская, Ю. В. Рождественский, И. И. Чурилов, С. А. Минеева, С. Ф. Иванова), логике (М. П. Грачев, К. Д. Скрипник), культурологии (М. Ю. Лотман, В. С. Библер, А. В. Ахутин), литературоведении (Л. П. Якубинский, А. Ю. Большакова, А. В. Артюшков, Е. Д. Поливанов). По мнению большинства ученых, диалогичность присуща всем процессам, осуществляемым при участии человеческого сознания: «Диалогические отношения – почти универсальное явление, пронизывающее все отношения и проявления человеческой жизни, вообще всё, что имеет смысл и значение» [1, с. 71].

Лингвисты склонны квалифицировать диалог как форму речи, самым непосредственным образом отражающую социальную сущность и коммуникативную функцию языка (Г. О. Винокур, Н. Д. Арутюнова, М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, А. Р. Балаян, Л. В. Красильникова, Е. С. Троянская, Н. И. Формановская, О. П. Воробьева, М. Я. Дымарский, В. Е. Чернявская, З. В. Валюсинская). Л. В. Щерба назвал диалог основной речевой формой языка, утверждая, что «подлинное свое бытие язык обнаруживает лишь в диалоге» [2, с. 44].

В стилистике различаются понятия *диалог* как «первичная форма речи» (М. Н. Кожина) и *диалогичность*, т. е. «лингвистическое выражение в тексте установки на адресата и отражение в нем признаков диалога», обусловленное «диалогической природой мышления, характерного для процесса

творческой познавательной деятельности» [3, с. 3]. Диалогичность имеет текстовую природу и квалифицируется как одна из функциональных семантико-стилистических текстовых категорий, в рамках и посредством которой в речевом произведении реализуется коммуникативная цель автора, его установка на взаимодействие с адресатом и сам характер этого взаимодействия: «Диалогичность – это экспликация коммуникативной функции в речи, в функционирующем языке, т. е. выраженность в тексте коммуникативной функции языка как социального явления» [3, с. 35]. Данная категория занимает одну из определяющих позиций в иерархии текстовых категорий и представляет собой «систему равноуровневых языковых средств (включая текстовые), объединенных на текстовой плоскости общей функцией выражения диалогичности» [4, с. 130].

Большими возможностями в осмыслении диалогизма как черты языкового сознания, проявляемой личностью в текстовой деятельности, обладает *эпистолярный* – разновидность открытой (незамкнутой) интерактивной коммуникации, специфика которой состоит в предписывающем (обязательном) характере межличностного диалога (прямой и обратной связи между конкретными участниками общения).

Коммуникативная стратегия эпистолярного текста (ЭТ) разворачивается в соответствии с законом эпистолярного бинама: «письмо-стимул» – «письмо-ответ» при необходимом условии смены ролей «адресант – адресат». В этом случае чрезвычайно важным оказывается пресуппозиционный фон, помещающий взаимодействие в рамки ретро- и перспективного контекста. При этом диалогизм в условиях эпистолярной коммуникации способен при-

обретать синкретичный характер. В зависимости от ситуации взаимодействие помимо диалоговой может характеризоваться моно- или полилоговой направленностью [5]. Во многом появление этого феномена объясняется особенностями стилевой и речевой природы ЭТ, способной модифицироваться в случае «выхода» речевого произведения за пределы «родной», разговорной, сферы общения. Подобное явление «смещения стилей» способно корректировать характер эпистолярной речи не только в сторону обретения ею синкретичных устно-письменных свойств, но и проявления ею своих диалоговых свойств.

Сознательная установка коммуникантов в рамках эпистолярного общения на актуализацию коммуникативно-прагматической оси «я – ты» является одним из принципов, репрезентирующих закон соответствия текстовой информации требованиям эпистолярного диалогизма. Данная эпистолярная коммуникативная универсалия, присутствующая в ЭТ разной жанрово-стилевой ориентации и временной принадлежности, выделена на основе коммуникативно-прагматического критерия [6]. Обозначенный фактор предполагает рассмотрение текста сквозь призму регулирующих общение автора и адресата правил. Он уже не раз выдвигался исследователями в качестве основополагающего в плане осмысления проблемы универсальных законов межличностной коммуникации (Р. Лакофф, Д. Слобин, Дж. Лич, Г.П. Грайс, М. Клайн, Д. Карнеги и пр.).

Рассмотрим механизм формирования, существенные характеристики и способы экспликации эпистолярного диалогизма на примере писем В. С. Высоцкого к разным адресатам. Выбор материала обусловлен неординарностью и уникальностью натуры автора, нашедшей отражение в стилистических особенностях эпистолярного поведения, а также огромным потенциалом его писем, позволяющим углубить представление о специфике эпистолярного диалогизма в целом.

Письмо в условиях вынужденной дистанцированности коммуникантов приобретает для поэта особую ценность как способ поговорить по душам, высказать адресату свои заветные мысли и желания. Об этом Высоцкий часто говорит, например, в письмах к своей второй жене, Л. Абрамовой: «Наступил такой момент, когда испытываю я необузданное желание с тобой поговорить, хотя бы в письме» (от 12 августа 1966 г.) [7¹, с. 295]. При этом автор понимает всю степень условности подобного рода общения («Ну! Это не для письма» (24 августа 1966 г.) [с. 302]), однако принимает его таким. Присутствующие в отдельных письмах Вы-

соцкого указанного цикла метакомментарии формируют у читателя представление о письме как способе ежеминутной фиксации событий жизни автора в целях передачи этой информации адресату: «Сейчас лягу спать, а потом встану и продолжу. Письмо получится длиною в несколько дней... Сейчас я прерываюсь. Пойду дышать...» (от 15 августа 1966 г.) [с. 300, 301].

Составление посланий официальным адресатам давало возможность автору выразить собственную оценку и высказать свое мнение относительно какой-либо ситуации. Общение посредством частной переписки Высоцким воспринималось как эффективный способ компенсации отсутствия рядом близкого человека: «P. S. Нет! Еще хочу что-нибудь написать. Когда пишу, как будто разговариваю» (Л. Абрамовой от 4 марта 1962 г.) [с. 257], «Теперь вроде с приездами не получится, видимо, не выгорело, и письма к тебе, лапик, потекут непрерывным бурным потоком» (Л. Абрамовой от 9 июля 1962 г.) [с. 260]. Предметом для эпистолярного повествования может быть, по мысли автора, что угодно: «Может, не стоило этого тебе, но просто пишу про все и все» [там же]. Малейшая возможность приостановления, прекращения эпистолярного диалога переживается автором крайне тяжело: «Самое ужасное, что нет никаких вестей от вас, и я даже не знаю, как пошлю это письмо, – почты здесь тоже нет» (Л. Абрамовой от 5 февраля 1963 г.) [с. 272]. И наоборот – с нескрываемой радостью Высоцкий пишет о каждой вновь полученной весточке от семьи: «Девять дней не было от тебя ничего. Передумал черт-те что... Сегодня наконец получил твое письмо и все стало на место» (Л. Абрамовой от 28 февраля 1962 г.) [с. 254], «Наконец-то вчера получил от тебя длинное, хорошее письмо, перечитывал несколько раз, потом еще несколько раз. Я, лапа, очень тебя люблю» (Л. Абрамовой от 16 января 1963 г.) [с. 269].

Эпистолярный Высоцкого демонстрирует авторскую установку на искреннее и честное поведение, достижение гармонии в сфере общения посредством переписки: «Васечек! Обиды – ну их на фиг! Не писал я тебе долго, это правда, но ведь и ты мне, если разобраться, – одно ругательное письмо, но и две телеграммы – извинительную и поздравительную... Не писали, значит, не писалось, а вот сейчас – пишется» (И. Кохановскому от 10 мая 1969 г.) [с. 320].

Индивидуальная манера ведения эпистолярного диалога во многом отражает ключевую характеристику песенно-поэтического дискурса Высоцкого в целом, а именно – присутствие в нем игрового, ролевого начала. Фрагменты писем поэта, а в

¹ Далее ссылки на это издание будут приводиться только с указанием страницы.

некоторых случаях – целиком отдельные тексты отражают разные ипостаси диалога (применительно к дискурсу Высоцкого уместнее говорить о полилоге), в который включено авторское сознание. Это особая ситуация многоголосия, полифонизма, отражающая как диалог внутри собственного я, так и между разными участниками коммуникации. При этом «за другого» говорит как «другой», так и сам автор. Многие письма Высоцкого можно свободно читать «по ролям», за каждой партией – не просто особое видение ситуации, а концепция, картина мира: «*Напиши свое впечатление* (относительно новой песни, написанной этой же ночью, текст которой содержится в письме. – А. К.). *Плохое? Ничего, – приеду спую с гитарой*» (Л. Абрамовой от 13 июля 1962 г.) [с. 265].

В характеристике эпистолярного диалогизма в первую очередь необходимо делать акцент на фактически существующей ориентации на конкретного адресата. Все частные письма Высоцкого глубоко личностны. Адресованность содержащейся в них информации определенному лицу манифестируется присутствием в речевой ткани текста разных падежных форм личного местоимения 2-го л. ед. ч. *ты*. Приведем примеры из писем 1962–1964 гг. к Л. Абрамовой: «*Я всегда тебя помню, думаю о тебе. И со мной ты! Ты тоже иногда вспомни*» [с. 255], «*Для тебя немного похвастался*» [с. 257], «*Я тебя очень люблю и жду писем*» [с. 266], «*Я тебя люблю, и ты мне опиши про себя и про дитя нашу*» [с. 280], «*Очень соскучился по тебе и по Аркашке (скоро буду писать про троих), а тут ты еще редко пишешь: два письма за все время – очень мало, если учесть, как я вас люблю и какая здесь зеленая тоска*» [с. 284]. Высоцкий, находясь вдали от семьи, интересуется всем, что происходит дома: «*Люсик! А как ты? Что делаешь? И главное, как здоровье твое пошатнувшееся? Окружила ли ты себя заботой врачей или еще нет?!*» [с. 261], «*Очень волнуешь, как вы там оба. И как твоя грудница и вообще все. Не знаю, как посылать письмо, авиа или так. Сегодня пошлю авиа. Я, наверное, позволю твоему папе. А то очень долго ждать ответа*» [с. 266–267], «*Подозрительно долго от тебя ничего нет. Напиши, лапа, огромное письмо, и Аркашка там нарисует тик-тикда. Как вы? Чего говорит умный и красивый наш ребенок? Как все?*» [с. 281].

Основным речевым средством выражения категории диалогизма в ЭТ можно считать выбор определенной формы обращенности к адресату. В письмах Высоцкого присутствует традиционное разделение данных единиц на *интимизированные* и *официальные* в соответствии с характером взаимоотношений коммуникантов. Деловые письма начинаются клишированной формулой обращения, состоящей из существительного собственного (име-

ни и отчества адресата) и атрибутива *уважаемый*: *уважаемый Владимир Ильич* (ЦК КПСС, отдел агитации и пропаганды, В. И. Степакову), *уважаемый Леонид Ильич* (ЦК КПСС, Л. И. Брежнев), *уважаемые товарищи* (ЦК КПСС), *уважаемый Петр Нилович* (Москва, ЦК КПСС, П. Н. Демичеву).

Форма обращенности к частным адресатам и степень ее интимизации зависит от характера межличностных отношений между коммуникантами. К педагогу и наставнику по Школе-студии при МХАТе П. В. Массальскому автор обращается уважительно на *Вы*, по имени и отчеству, используя атрибутив *дорогой*. Отметим, что о себе в этом письме автор говорит от 3-го л. в целях усиления уважительной тональности послания в целом: «*Дорогой Павел Владимирович! Были у Вас Буров и Высоцкий. Хотели перед отъездом Вас повидать*» (П. В. Массальскому, июль 1959 г.) [с. 249]. Аналогичная коммуникативно-прагматическая установка присутствует в письме к Раневской, начинающемся с обращения *дорогая наша, любимая Фаина Георгиевна*. Предельной теплотой и уважением проникнуты письма к матери, к которой Высоцкий обращается ласково: *мама, мамуля, мамочка*. Эпистолярный диалог с М. Влади начинается с такой формы эпистолярного обращения, как *Мариночка, любимая моя*.

Разнообразна парадигма форм эпистолярных обращений в письмах Высоцкого, адресованных близким друзьям. В их числе – стандартная этикетно-речевая формула «атрибутив ± приложение ± имя собственное»: *Славик; дорогой мой, любимый друг Славик; Славик дорогой; дорогой мой друг; дорогой мой, печальный мой друг Слава; дорогой Слава; дорогой мой Слава; брат* – в письмах к С. Говорухину; *Венька, Венечка* – в письмах к В. Смехову; *дорогой мой Юра, Юра, милый мой Юра* – в письмах к Г. Юнгвальд-Хилькевичу; *Сева, Севочка* – в письмах к В. Абдулову; *Толя, дорогой Толя, Анатолий, дорогой мой Толя* – в письмах к А. Гарагуле; *дорогой Ваня, Ванечка, Ванятка, назабвенный друг мой Ваня* – в письмах к И. Бортнику; *дорогой мой Миша, Миша, Мишка, дорогой мой Мишка, Мишенька* – в письмах к М. Шемякину. В письмах к И. Кохановскому в качестве имени собственного фигурирует как настоящее имя *Гарик*, так и – в большинстве случаев – прозвище *Васек (Васечек)*. Относительно последнего исследователь-биограф С. Н. Зубрилина в своей книге о Высоцком замечает: «Когда-то он (Высоцкий. – А. К.) и Кохановский в одном из московских дворов подхватили реплику: „Зовите меня просто Вася“. С того время иначе как Вася, Васечек, Васек они друг к другу не обращались» [8, с. 34].

Особое место в ряду речевых форм обращенности к адресату в письмах Высоцкого занимают не-

стандартные, индивидуально-авторские варианты. Например, характерной чертой идиостиля Высоцкого можно считать употребление форм обращений в повышенной эмоционально-экспрессивной тональности, средствами репрезентации которой выступают лексемы с ярко выраженной положительной/отрицательной коннотацией: «Дорогой ты мой! Самый **наипервейший, распронаединственнейший** друг Васечек!» (И. Кохановскому от 8 января 1968 г.) [с. 310], «Здравствуй, **негодный!** Ты этого обращения заслуживаешь, так как провожать меня не пришел» (В. Акимову от 22 июля 1954 г.) [с. 249]. Чрезвычайно интересным с точки зрения своих стилистических особенностей видится письмо к В. Акимову от 7 сентября 1960 г. Оно целиком выдержано в духе стилизации под произведение устного народного творчества, и форма обращения к корреспонденту, и подписи автора весьма успешно вписываются в общую структуру текста: «Ой ты гой еси, Володимир, свет Володимирович!.. Целуем тебя в уста сахарные, друзья твои неизменные Васечки» (В. Акимову от 7 сентября 1960 г.) [с. 250].

Компонент «начальное эпистолярное обращение» «работает» на создание диалогизма в тексте не только с точки зрения своих «качественных» характеристик, но и в количественном отношении. В ЭТ Высоцкого чрезвычайно много внутритекстовых обращений. Так, в письме к С. Говорухину, написанном в марте 1972 г., их насчитывается девять в сравнительно небольшом по объему тексте [с. 325–327]. В коротком письме ко второй жене, Л. Абрамовой, от 12 мая 1963 г. обращения фигурируют восемь раз [с. 276]. В целом анализ эпистолярного цикла к Л. Абрамовой выявил высокую степень представленности в текстах обращений к адресату. Общие количественные подсчеты речевых форм обращений в рамках данного цикла выглядят так: лапа (любимый мой; хорошая моя и любимая; любимая; хороший мой; моя) – 47 словоупотреблений, Люсик (мой; хороший мой; любимый мой) – 40, солнышко (мое) – 16, Лапик (мой хороший; любимый мой) – 12, малыш – 11, лапочка – 6, Люсенок (мой) – 5, любимый (мой) – 5, мальшик (мой) – 4, Люсечка (дорогая моя, любимая) – 4, пусик (любимый) – 2, хороший мой – 1, родная моя, хорошая – 1, любимая – 1. По мнению автора статьи, подобная насыщенность текста обращениями способствует созданию большей степени диалогичности, имитации непосредственного живого общения, эффекта присутствия собеседника.

В качестве средства создания диалогичности в ЭТ Высоцким активно привлекаются вопросительные конструкции. Вопросы, формулируемые автором, могут быть двух видов: во-первых, конструктивные, направленные на получение новой инфор-

мации от адресата («*Напиши, гуляешь ли ты с сыном и как он, была ли у врачей, и сколько весит, и про все. Ладно?*») (Л. Абрамовой от 12 января 1963 г.) [с. 268]), во-вторых, риторические, основной функцией которых является поддержание контакта («*Что творится в мире, Юра? А? Кошмар?*») (Г. Юнгвальд-Хилькевичу, август 1968 г.) [с. 315]).

Частотным средством экспликации категории диалогичности (из разряда традиционных) в эпистолярной Высоцкого выступают глагольные формы со значением разных оттенков императивности: от «смягченной» («*Ты скоро уходишь в поход, так что не пиши, я разрешаю. Передай огромный привет маме и дяде Ване*») (В. Акимову от 22 июля 1954 г.) [с. 249], «*Я знаю, – тебе трудно будет сразу писать, но ты на открытке 3 слова*») (Л. Абрамовой от 15 августа 1964 г.) [с. 289], «*Пиши мне. Я знаю, что некогда, но хоть немного*») (Л. Абрамовой от 15 июля 1964 г.) [с. 280]) до «требовательной» просьбы («*Пиши скорее. Давай наладим двустороннюю связь. Привет всем (только обязательно передавай). Целую, очень люблю и скучаю*») (Л. Абрамовой от 13 января 1963 г.) [с. 268], «*Засим до свидания. Целую вас обоих и люблю. Всем привет. Дашь ответ!!!*») (Л. Абрамовой от 18 июля 1964 г.) [с. 282], «*Ты мне обязательно напиши*») (Л. Абрамовой от 12 августа 1966 г.) [с. 298]).

Эвфемизации выражения просьбы способствует сопровождающий ее комментарий-обоснование, нередко – ироничный: «*Напиши! Ну хотя бы страниц 8. Ты ведь любишь иногда коротко!*») (Л. Абрамовой от 9 июля 1962 г.) [с. 261]. Усилению оттенка требовательности – использование слов с определенной семантикой (*скорее, обязательно*), фраз, построенных по принципу лозунговых речевых клише (*Дашь ответ!!!*). В последнем случае возможно «сгущение красок» в изображении душевного состояния адресанта, например в ситуации ожидания ответного письма: требовательность просьбы об эпистолярной активности, обращенной к Л. Абрамовой, возрастает в силу реализации автором речевой тактики «выговаривания, журеня». Например: «*Два письма за все это время – не маловато ли, лапа? Почему-то сегодня думал, что обязательно получу письмо, но не тут-то было*» (от 3 августа 1964 г.) [с. 286], «*Послал тебе письмо и решил ждать ответа. Но... вотще, напрасно... так сказать, всуе! Никаких вестей. Ну а зря!*») (от 23 февраля 1962 г.) [с. 252], «*Люсик! Что ты – порождение обломовщины, это я знаю, но письма-то ты писать любишь! Сегодня день Советской Армии – сядь да напиши что-нибудь про войну, что ли!!! Никаких вопросов не задаю. Про все опиши. Ладно?*») (от 23 февраля 1962 г.) [с. 253].

Традиционным можно считать также способ экспликации авторской установки на диалог по-

средством использования высказываний, оформляемых этикетными речевыми жанрами. Например, поздравления: «Мамулик! Если ты думаешь, что твой сын настолько невнимателен, что забыл, то ты ошибаешься. Сын твой тебя любит как очень хорошую, настоящую мать и поздравляет тебя с днем твоего ...летия. Вовка» (Н. Высоцкой от 6 апреля 1958 или 1959 г.) [с. 249], «Завтра 8 марта. Я не забыл. Хотя не очень люблю поздравлять с этим праздником. Очень он солидарный и охватывает всех баб на земле. А среди них не так много стоящих» (Л. Абрамовой от 8 марта 1962 г.) [с. 260]. Пример имплицитно представленного извинения: «Мы с Васьком перед тобой злые враги, ибо сукины мы дети доселе письма тебе не написали» (В. Акимову от 7 сентября 1960 г.) [с. 250].

Одним из излюбленных способов создания диалогичности в эпистолярной Высоцкого выступает прямая и косвенная речь. Например: «Золотухин в данный момент возлежит на раскладушке, благодушный и похмельный. А я с завистью гляжу на него и думаю. „Эх! – думаю я. – Нет среди нас Веньки и баб. А жаль!“» (В. Смехову от 6 августа 1968 г.) [с. 313]; «...утвердили меня в картину „Земля Санникова“... а за день до отъезда Сизов – директор „Мосфильма“ – сказал: „Его не надо!“ „Почему?“ – спрашивают режиссеры. „А не надо, и все! Он – современная фигура“ и т. д. в том же духе» (С. Говорухину, март 1972 г.) [с. 325].

С целью создания наибольшего прагматического эффекта в ЭТ Высоцкого средства создания диалогичности в большинстве случаев выступают в комплексе. Покажем это на примере отрывка из письма к И. Бортнику от 5 июля 1977 г., в котором диалог автора и адресата создает впечатление в максимальной степени достоверного и естественного: «А знаешь ли ты, незабвенный друг мой, Ваня, где я? Возьми-ка, Ваня, карту или лучше того – глобус! Взят? Теперь ищи, дорогой мой, Америку... Да не там, это, дурачок, Африка. Левее! Вот... именно. Теперь найди враждебные США! Так. А ниже – Мексика. А я в ней. Пошарь теперь, Ванечка, пальчиком по Мексике, вправо до синего цвета. Это будет Карибское море, а в него выдается такой еще язычок. Это полуостров Юкатан... На самом кончике Юкатана, вроде как тупун на языке, есть райское место Канкун, но я не там. Мне еще четыре часа на пароходике до острова Косумель – его, Ваня, на карте не ищи – нет его на карте, потому что он махонький, всего как от тебя до Внуково. Вот сюда и занесла меня недавно воспетая „Нелегкая“... Прости, Ванечка, за историю с гео-

графией» [с. 339–340]. В данном контексте диалогичность создается посредством широкого (восемь раз в рамках небольшого по протяженности контекста) использования различных форм обращений к собеседнику (*незабвенный друг мой, Ваня, дорогой мой, дурачок, Ванечка*), местоимений *я и ты*, эксплицирующих личностный характер коммуникации, глагольных форм со значением императивности (*возьми-ка, ищи, пошарь пальчиком* и пр.), слова-предложения «Так», маркирующего ситуацию пошаговости действий адресата («*Теперь найди враждебные США! Так*»), вопросительных конструкций со значениями «получить новую информацию» («*А знаешь ли ты, незабвенный друг мой, Ваня, где я?*») и «подтвердить уже имеющуюся информацию» («*Взял?*»). Установку на гармоничный диалог репрезентирует использование высказывания, оформленного этикетным речевым жанром «извинения» («*Прости, Ванечка, за историю с географией*»).

При всей условности эпистолярного общения в дискурсе Высоцкого ему отводится особое место как пространству глубоко личностного, искреннего разговора по душам (частные письма) и способа выражения отношения к событиям действительности (официальная корреспонденция). Ключевой при этом выступает категория диалогичности, реализующаяся на всех уровнях ЭТ. Смысловое развертывание писем во многом определяется игровым началом, характерным для авторского сознания. Распределение текста «по ролям» имитирует ситуацию полилога, во многом обуславливая специфику идиостилевой манеры автора. В перечне речевых средств создания диалогичности наиболее частотными в рамках рассматриваемого эпистолярия выступают различные формы обращенности к адресату, вопросные и императивные конструкции.

Таким образом, диалогичность характеризует коммуникативно-прагматичную природу ЭТ и реализуется посредством средств, способов и форм, выбор которых обусловлен комплексом лингвистических и экстралингвистических факторов. Ориентация на личность конкретного адресата, его «смысловую позицию» (М. М. Бахтин), обозначенную в тексте, является обязательным условием эпистолярной диалогичности. Эпистолярный, как никакая другая разновидность письменных текстов, раскрывает глубину сказанных М. М. Бахтиным слов: «Событие жизни текста, т. е. его подлинная сущность, всегда разыгрывается на рубеже двух сознаний, двух субъектов» [9, с. 303].

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. 470 с.

2. Трошева Т.Б. Диалог // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 44–45.
3. Кожина М.Н. О диалогичности письменной научной речи: учеб. пос. по спецкурсу. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1986. 91 с.
4. Дускаева Л.Р. Категория диалогичности (функциональная семантико-стилистическая) (ФССК) // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 130–139.
5. Курьянович А.В. Способы реализации волюнтаривных установок в современных эпистолярных текстах рекламного характера // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2009. Вып. 4 (82). С. 107–111.
6. Курьянович А.В. Эпистолярные коммуникативные универсалии (на примере писем М.И. Цветаевой и современной переписки) // Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности: коллективная монография / под ред. проф. Н.С. Болотной. Томск: Изд-во ТГПУ, 2011. С. 422–451.
7. Высоцкий В. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4: Проза / ред. Т. Тимакова. М.: Время, 2011. 400 с.
8. Зубрилина С.Н. Владимир Высоцкий – жизнь, легенда, судьба. «И стал я великим, а был я живым». Ростов н/Д.: Феникс, 2010. 352 с.
9. Бахтин М.М. Под маской. М.: Лабиринт, 2000. 625 с.

Курьянович А.В., кандидат филологических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 06.04.2012.

A. V. Kuryanovich

ABOUT COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC EPISTOLARY ESSENCE DIALOGISM (ON THE BASIS OF LETTERS BY V. S. VYSOTSKY)

The article deals with the mechanisms of formation, the analysis of the essential characteristics and methods of explication epistolary dialogism as an integral part of the poetics of epistolary texts, taking into account the complex extra linguistic factors and the specific implementation of the communicative-pragmatic axis “author – the destination”. The letters by V. S. Vysotsky served as research material.

Key words: *dialogue, dialogism as a text category, epistolary text, epistolary dialogism, epistolary communication universals.*

Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru